

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Пожиратель призраков

(The Ghost-Eater)

Безумие полной луны? Летняя лихорадка? Как я хотел, чтобы все оказалось так! Но в часы одиночества, когда в пустынных равнинах заходит солнце и сквозь бескрайние просторы до моего слуха доносится демоническое эхо предсмертных вскриков, рычания и отвратительный хруст костей, я вновь дрожу при воспоминании о той жуткой ночи.

В те дни я гораздо меньше знал о потусторонних явлениях, хотя неизведанные области так же сильно влекли меня, как и теперь. Вплоть до той роковой ночи мне удавалось находить проводника в моих странствиях, и лишь внезапные обстоятельства вынудили меня положиться на собственные силы. Стояла середина лета в Мэне, куда меня привели дела; из деревушки Мэйфайр я собирался к следующему полудню достичь Глендаля, однако ни одна живая душа не вызвалась сопровождать меня. Длинный и продолжительный маршрут через Питевиссет, следуя которым я опоздал бы к назначенной встрече, пришлось отбросить. Оставалась дорога через густой лес, но на все уговоры проводить меня я получал отказ или уклончивые отговорки.

Для стороннего наблюдателя, каким я был, казалось странным, что каждый мой собеседник находил благовидный предлог, чтобы отказаться. Слишком уж много неотложных и важных дел скопилось в этой сонной деревушке, чтобы я не догадался, что местные жители лгут. И все же, как бы ни обстояли дела, ни один из селян не располагал временем, чтобы ненадолго отлучиться. По крайней мере, так они заявляли мне, ограничиваясь уверениями, что путь через лес очень прост: все время следует держаться направления на север и для такого энергичного молодого человека, как я, путешествие не представит особой трудности.

Если отправиться в путь ранним утром, как мне советовали радушные селяне, можно было рассчитывать до захода солнца достичь Глендаля, избежав таким образом ночевки под открытым небом. Даже в тот момент я был далек от каких бы то ни было подозрений. Перспектива выглядела обещающей, и я решился отправиться в одиночку, отказавшись от помощи ленивых обитателей деревушки. Вероятно, и подозрения, возникнув, вряд ли остановили бы меня; молодость отличает упрямство, а суеверные страхи и предания с детских лет только развлекали меня.

Итак, солнце еще не поднялось высоко, как я уже уверенно шагал среди могучих лесных деревьев; с завернутым в бумагу обедом в заплечной котомке, с пистолетом, для надежности, в кармане, перепоясанный тугим кушаком, набитым похрустывающими купюрами солидного достоинства. Исходя из расстояния и полагаясь на собственную скорость, я рассчитывал добраться до Глендаля чуть позже захода солнца. Хотя, случись

погрешности вкрасться в мои расчеты, задержка до поздней ночи не пугала меня; ее с лихвой искупал прежний богатый опыт походных биваков. К тому же мое присутствие в пункте назначения вполне могло отодвинуться до следующего полудня.

Мои планы расстроила летняя жара. Поднимаясь к зениту, солнце даже сквозь густую листву обжигало незащищенные участки кожи и с каждым шагом иссушало мои силы. К полудню одежда насквозь пропиталась потом, ноги заплетались, несмотря на всю решимость двигаться дальше. Углубившись в лес, я наткнулся на заброшенную тропинку, сильно заросшую травой и молодыми побегами. В некоторых местах она практически исчезала из виду: прошли недели, а может быть и месяцы, с тех пор, как ею пользовались в последний раз. В мое сердце стали закрадываться сомнения в надежности уверений жителей деревушки, обещавших легкое и бесхлопотное путешествие.

Проголодавшись дорогой, я отыскал тенистую развилку деревьев, достал из заплечной котомки обед, который мне приготовили в деревенской гостинице, и расположился на зеленой траве. В бумажном свертке оказалось несколько потерявших от жары вкус сэндвичей, кусок подсохшего пирога и бутылка легкого столового вина: угощение отнюдь не роскошное, однако весьма желанное в моем положении.

Для курения было чересчур душно, и я не стал доставать свою трубку. В надежде передохнуть несколько минут перед заключительным этапом путешествия, я растянулся под густыми кронами и закрыл глаза. Вероятно, в такую жару и глоток вина был излишним, при всей легкости этого напитка бутылки оказалось вполне достаточно, чтобы довершить начатое долгим, утомительным днем. Не успел я сладко зевнуть в предвкушении отдыха, как короткий привал, предусмотренный моими планами, сменился беспробудным глубоким сном.

Когда я открыл глаза, вокруг сгущались вечерние сумерки. Ветерок обдувал мои щеки, быстро возвращая мне ясность сознания. По небу резво проносились темные облака, предвещая неминуемую грозу. До утра нечего было и думать о продолжении путешествия, однако перспектива провести ночь в промозглом, освещаемом ударами молний лесу также мало привлекала мои мысли. После короткого размышления я решительно зашагал вперед, надеясь найти хоть какое-нибудь укрытие до того, как разразится буря.

Мрак плотным покровом укутал деревья. Низкие облака угрожающе сливались с черной землей; порывы ветра заметно посвежели. Отблеск далекой молнии озарил небо, сопровождаемый зловещим рокотом грома, и на мою вытянутую ладонь упала первая тяжелая капля. Приготовившись к худшему, я, как автомат, продолжал шагать в неизвестность, когда среди деревьев блеснул огонек - чье-то освещенное окно. Спеша укрыться от надвигающегося ливня, я бросился вперед... О боги! Если бы я повернул тогда назад!

В удалении, на лесной просеке возвышался дом: темный прямоугольник на фоне вековых деревьев. Ожидая встретить легкую охотничью хижину или бревенчатую избу, я был слегка изумлен, увидев изящное, со вкусом возведенное здание высотой в два этажа. Судя по архитектуре, его построили более полувека назад; некоторые детали фасада пообветшали и требовали ремонта. В одном из нижних окон мерцал яркий огонек, и к

нему, подстегиваемый новыми тяжелыми каплями, я заторопился вдоль просеки, нетерпеливо забарабанив в дверь, едва успев взбежать на крыльцо.

С неожиданной готовностью на мой стук отозвался глубокий, приятный голос, произнесший единственное слово: "Входите!"

Толкнув незапертую дверь, я шагнул в полутемную прихожую, ведущую направо в освещенную комнату с книжными полками. Внутри дом наполнял слабый, едва уловимый запах, предполагавший присутствие животных. Вероятно, хозяин жилища был траппером или охотником, черпавшим средства к существованию из окружавшего дом леса.

Пригласивший меня войти сидел во вместительном плетеном кресле, рядом с инкрустированным мраморной мозаикой столом. Свободный халат сероватого цвета скрадывал его худощавую фигуру. Свет керосиновой лампы резко оттенял его черты; и, пока он с любопытством рассматривал меня, я изучал его с не меньшим вниманием. Его облик поражал статностью: тонкое продолговатое лицо было чисто выбрито; мягкие волнистые волосы аккуратно расчесаны; длинные прямые брови под легким углом сходились над переносьем; красиво вылепленные уши были низко посажены, а большие, выразительные серые глаза, казалось, светились внутренним пламенем. Дружелюбная улыбка открыла два ряда замечательно ровных и крепких белых зубов. Хозяин жестом указал мне на кресло рядом, и я поразился изяществу его рук с длинными, тонкими пальцами, розовые миндалевидные ногти которых были слегка изогнуты и тщательно ухожены. Признаюсь, мне показалось удивительным, что человек столь располагающей наружности мог выбрать жизнь лесного отшельника.

- Прошу извинить за вторжение, - отважился я начать беседу, - но гроза вынудила меня искать убежище под вашей крышей.

Словно в подтверждение моих слов за окном вспыхнула молния, раздался раскат грома и тяжелые капли ночного ливня с яростью застучали в стекло.

Хозяин казался нечувствителен к буйству стихий и снова улыбнулся, отвечая. Хорошо поставленный, мягкий голос успокаивал, глаза завораживали своей глубиной.

- Мой дом в вашем распоряжении, хотя боюсь, что могу предложить очень немного. Из-за протеза мне тяжело ходить, так что вам придется самому позаботиться о себе. Если вы голодны, на кухне достаточно еды, и пожалуйста, без церемоний!

Мне послышался едва уловимый иностранный акцент в его словах, хотя речь и произношение были безукоризненны.

Выпрямившись во весь свой огромный рост, он чуть прихрамывающей походкой направился к двери, и я обратил внимание на его мощные, заросшие серыми волосами руки, составлявшие странный контраст с изящной формы кистями.

- Идемте, - позвал он, - и захватите лампу. Я посижу с вами на кухне.

Мы прошли прихожую, комнату за ней и оказались в маленькой каморке с изразцовой печью в углу и посудным шкафом на стене. Через несколько минут, когда огонь весело

запрыгал на сухих поленьях, я спросил, не приготовить ли ужин на двоих, однако хозяин вежливо отклонил мое предложение.

- Слишком жарко, - посетовал он. - К тому же я успел перекусить перед вашим приходом.

Вымыв тарелки после одинокой трапезы, я уселся в кресло и с удовольствием закурил трубку. Хозяин задал несколько вопросов о деревушке неподалеку, но нахмурился и замолчал, узнав о том, что я нездешний. Пока он молча раздумывал, я не переставал удивляться необъяснимой странности его облика: некой неуловимой чужеродности, не поддающейся определению. В одном я был совершенно уверен: он терпит мое присутствие только из-за ночной бури, но никак не из природного радушия.

Что до грозы, она почти кончилась. Снаружи стало заметно светлее; из-за облаков вышла полная луна, а ливень сменился тонкими дождевыми струйками. При желании можно было продолжить путешествие, о чем я и заметил хозяину.

- Лучше дождаться утра, - посоветовал он. - Пешком до Глендаля добрых три часа ходу. На втором этаже у меня две спальни, если хотите, можете занять одну из них.

Искренность этого приглашения рассеяла остатки моих сомнений относительно радушия хозяина; его молчания я теперь был склонен приписать недостатку человеческого общения в этой пустыне. Выкурив три полные трубки, я начал позевывать.

- Сегодня выпал тяжелый день, - признался я, - наверное, мне стоит лечь пораньше, чтобы подняться с рассветом.

Хозяин указал рукой на дверь, за которой виднелись прихожая и лестница.

- Возьмите с собой лампу, - напутствовал он. - Другой у меня нет, но я привык к темноте, не беспокойтесь. Когда я один, то почти не зажигаю ее; за керосином приходится ходить в деревню, что я делаю, очень редко. Ваша комната по правую сторону от лестницы.

Захватив лампу и обернувшись в прихожей, чтобы пожелать спокойной ночи, я заметил, как светятся в темноте его глаза: это напомнило мне джунгли и фосфоресцирующие огоньки за чертой разведенного костра.

Поднявшись на второй этаж, я услышал, как мой хозяин, прихрамывая, прошел в какую-то из комнат внизу; несмотря на темноту, он передвигался с совиной уверенностью. Лампа и в самом деле была для него невеликим подспорьем. Гроза стихла, и, войдя в отведенную мне спальню, я нашел ее ярко освещенной светом полной луны, сочившимся через расшторенное окно. Задув лампу и довольствуясь лунным сиянием, я потянул носом едковатый запах, который не могли приглушить даже пары керосина, - странный животный душок, замеченный мной еще в прихожей. Я подошел к окну и широко распахнул створки, вдыхая прохладный, освежающий аромат ночи.

Раздеваясь, я на секунду замешкался, вспомнив о поясе с деньгами. Возможно, мелькнула осторожная мысль, мне не следует торопиться снимать его: в свое время я прочитал порядком историй о владельцах постоялых дворов, которые грабили и даже

убивали своих постояльцев. Итак, приняв одеяло на постели и придав ему очертания спящей фигуры, я передвинул стоявшее в комнате кресло в глубокую тень у окна, набил и вновь закурил свою трубку и принялся ожидать, что произойдет дальше.

Мне не пришлось долго ждать, когда настороженный слух уловил на лестнице звук чьих-то шагов. Рассказы о лесных разбойниках снова ожили в моей памяти, однако шаги были уверенными и ровными, ничем не напоминая слегка прихрамывающую походку моего хозяина. Судя по поступи, незнакомец и не думал скрываться. Вытряхнув из трубки уголья, я спрятал ее в карман, после чего вытащил пистолет и на цыпочках пересек комнату, затаившись у стены за дверью.

Дверь распахнулась, и в полосу лунного света шагнул незнакомый человек. Высокий, широкоплечий; лицо наполовину скрыто густой, подстриженной лопатой бородой, а шея обмотана черным шарфом давно вышедшим из употребления в Америке, - в облике вошедшего безошибочно угадывался иностранец. Должно быть, он вошел в дом следом за мной; при всем самообладании я ни на секунду не решался допустить, что он прятался в какой-то из комнат внизу. Когда я напряженно всматривался в его силуэт, освещенный зловещим светом луны, мне показалось, что сквозь его плотную фигуру просвечивает противоположная стена. Хотя возможно, это была только иллюзия, вызванная моим страхом и удивлением.

Заметив беспорядок на постели, но не придав должного внимания складкам, предполагавшим эффект лежащей фигуры, незнакомец проворчал что-то на незнакомом языке и начал раздеваться. Побросав одежду в оставленное мной кресло, он улегся на кровать, укрывшись одеялом и через минуту спал беспробудным сном.

Моей первой мыслью было найти хозяина и потребовать объяснений, но после недолгого размышления я счел за лучшее удостовериться, что все происходящее не имеет отношения к моим послеобеденным грезам. В голове и всем теле я ощущал поразительную слабость и, несмотря на недавний ужин, был голоден, словно не ел ничего с самого обеда.

Подойдя к кровати, я протянул руку и дотронулся до плеча спящего. Крик изумления замер на моих губах, сердце бешено колотилось, угрожая разорвать грудную клетку. С невидящим взглядом я отшатнулся от постели: мои пальцы прошли сквозь плечо незнакомца, захватив лишь уголок одеяла!

Обрывочные, беспорядочные ощущения, охватившие меня, не поддаются определению. Незнакомец оказался бесплотен, хотя я мог видеть его, слышал ровное дыхание его сна и наблюдал, как он ворочается под одеялом. Теряясь в догадках, я пытался разобраться в хаосе мыслей, пронесившихся в моей голове, когда на лестнице послышались новые шаги: на этот раз мягкие, прихрамывающие, напоминающие собачьи цоканьем коготков...

По комнате снова пополз едкий животный запах, заметно усилившийся. Ошеломленный, двигаясь словно во сне, я снова укрывся за спасительной дверью, готовый к самому худшему.

В яркую полосу призрачного лунного сияния ступил огромный волк. Задняя лапа его

была поджата, словно подраненная случайным выстрелом. Зверь повернулся и посмотрел в мою сторону: онемевшие от ужаса пальцы правой руки разжались и пистолет со стуком упал на пол. Новая волна страха парализовала мою волю и мысли, потому что глаза, горевшие дьявольским огнем на жуткой морде волка, были глазами хозяина этого странного дома; его взгляд, с флуоресцирующим блеском следивший за моим уходом с кухни.

Не знаю, заметил ли он меня. Голова зверя повернулась к постели, пожирая взглядом спящего на ней призрака. Волк поднял морду к потолку, и из чудовищной пасти вырвалось ужасающее завывание: громкий, отвратительный вой, заставивший замереть мое сердце. Незнакомец пошевелился, открыл глаза и испуганно приподнялся на постели.

Зверь пригнулся, дрожа от возбуждения; незнакомец испустил крик смертельного ужаса и отчаяния, который не в силах повторить ни одно привидение из старинных преданий... и в этот момент волк прыгнул: белые ровные зубы блеснули в лучах луны, погружаясь в горло кричащей жертвы; острые клыки вспороли сонную артерию призрака, и крик захлебнулся в потоках крови.

Предсмертный хрип подстегнул меня к действию; пистолет снова оказался в моей руке, его ствол запрыгал, разряжая обойму в чудовище на постели. Увы! Я отчетливо различал глухие шлепки пуль, впивавшихся в стену напротив.

Самообладание изменило мне. Слепой ужас подтолкнул меня к двери, и последнее, что я видел, обернувшись, был волк, терзавший клыками тело своей жертвы. Кошмарное видение, разметавшее мои мысли, выглядело таким реальным и осязаемым... Несмотря на то, что всего несколько минут назад мои пальцы прошли сквозь плечо незнакомца... Уже на лестнице я услышал отвратительный хруст костей.

Как я нашел дорогу в Глендаль и как смог пройти ее - полагаю, для меня навсегда останется тайной. Помню, что рассвет застал меня на холме возле опушки леса. Внизу раскинулась тихая деревушка, чуть поодаль поблескивала голубая лента Катаки. Без шляпы, оборванный, с пепельно-серым лицом и взмокший от пота, словно всю ночь прошагал под ливнем, я не решался спуститься, не придав своему костюму и мыслям хотя бы видимость порядка. Наконец я покинул холм и по узким улочкам с тротуарами, выложенными бетонными плитами, добрал до местного отделения Лафайетт Хауз Банка, где меня встретил пожилой охранник.

- Откуда так рано, сынок? И в таком виде?

- Я только что из леса. Иду из Мэйфайра.

- Из Мэйфайра?! Ты один прошел через Черный лес? Этой ночью? - Старик окинул меня взглядом, в котором попеременно вспыхивали ужас и недоверие.

- Что в этом странного? - парировал я при виде столь откровенного изумления. - Я не мог идти через Питевиссет, потому что сегодня в полдень у меня встреча в вашем городке.

- Но сегодня ночью было полнолуние!.. О Боже! - Он с любопытством покосился на меня: - Кого-нибудь видел: Василия Украиникова или, быть может, графа?

- Я что, похож на идиота? Что за дурацкие вопросы? Его голос был серьезен, как у священника на похоронах, когда он ответил:

- Ты, вероятно, новичок в этих местах, сынок, если ты ничего не слышал о Черном лесе, о полнолунии, Василии и об остальных.

По-видимому, мои легкомысленные ответы пришлись не по душе собеседнику, но было поздно исправлять сделанное, и я попросил:

- Продолжайте. Я весь внимание и слух и умираю от нетерпения услышать вашу историю.

Старик довольно сухо вато пересказал мне это предание, много потерявшее в живости и убедительности из-за отсутствия красочных подробностей. Однако едва ли бы нашелся поэт, который сумел бы расцветить более яркими тонами те приключения, что пришлось пережить мне. Совершенно особое дело - слушать историю после того, как она произошла с тобой, и снова переживать ужас, которого удалось избежать.

- Когда-то между Глендалем и Мэйфайром поселились несколько русских: они появились в этих местах после какой-то из своих революций. Василий Украиников был один из них: высокий, статный малый с очень светлыми волосами и блестящими манерами. Хотя и поговаривали, что он продал душу дьяволу и стал вервольфом, который пожирает людей.

Примерно в трети пути к Мэйфайру, в лесу, он построил себе дом и поселился там один. С тех пор многие стали встречать в лесу огромного волка с горящими человеческими глазами - такими же, как у Украиникова. Однажды ночью один из охотников выстрелил в этого волка, и через неделю Украиников пришел в Глендаль, прихрамывая. Все стало ясно.

Как-то раз он послал в Мэйфайр за графом - его звали Федор Черневский; старый коттедж на Стейт-стрит когда-то принадлежал ему - с просьбой навестить его. Все отговаривали графа: это был прекрасный человек и отличный сосед, но он не послушал никого, сказав, что сумеет постоять за себя. В ту же ночь взошла полная луна. Граф был отважен, как и все они, однако приказал своим людям, если он не вернется, идти следом за ним к Украиникову. Прошел день, и они отправились искать его... Ты с самым делом был этой ночью в лесу, сынок?

- Разумеется, - я попытался скрыть внезапно охватившее меня смущение. - Но я не граф, поэтому со мной обошлось без приключений. И что же они нашли у Украиникова?

- Истерзанное тело графа, сынок, а рядом - огромного волка с окровавленной пастью. Можно догадаться, кто был этот волк. И говорят, что теперь в каждое полнолуние... Ты в самом деле ничего не видел, сынок?

- Ни зги, отец! Но что стало с этим волком... вернее, с Василием Украиниковым?

- Само собой, они застрелили его. Нашпиговали полное брюхо свинцовых пуль и закопали под домом, а само местечко сожгли дотла. Все это случилось лет шестьдесят назад, когда я был совсем сорванцом, но я помню это, словно все случилось вчера.

Пожав плечами, я отвернулся от него. При ярком свете дня все выглядело зыбко и неправдоподобно. Но порой, когда одиночество настигает меня среди пустынных равнин и до моего слуха доносится демоническое эхо тех воплей, злое рычание и отвратительный хруст костей, я снова вздрагиваю при воспоминании о той жуткой ночи.

Перевод: А. Бутузов

1992 год